Ю.В.Гулюта,
Алтайский государственный университет

Символ в рекламных коммуникациях

В последнее время создатели рекламных сюжетов прибегают к различным средствам передачи информации (метафоры, иносказания, технологии НЛП и проч.), чтобы реклама была наиболее убедительной. Наряду с перечисленными средствами в рекламных коммуникациях также используются символы. Для того чтобы правильно использовать символы, корректно их интерпретировать, нужно знать, что же это такое.

Следует отметить, что проблема символа и символизма уже много столетий находится под пристальным взглядом философов, лингвистов.

Часто под символом понимают какой-либо простой знак. Но в действительности символ представляет собой знак, за которым скрывается глубокий смысл – сложный образ, мотив, идея, сюжет, жизненная ситуация. То есть, можно сказать, что символ есть знак, оплодотворенный мыслью (А.Ф.Лосев).

В отечественной и зарубежной литературе можно найти ряд исследований, посвященных данному феномену. Рассмотрим наиболее значимые из них. До сих пор нет однозначного мнения, является ли символ знаком или его природа не соответствует знаковой сущности. Исследование знака правомерно начать с изучения концепций отцов семиотики, учения о знаках, Ч.Пирса и Ф. де Соссюра.

Основателем семиотики считается американский логик, философ и естествоиспытатель Ч.Пирс, который и предложил ее название. Ч.Пирс дал определение знака, первоначальную классификацию знаков (индексы, иконы, символы), установил задачи и рамки новой науки.

Ч.Пирс определяет знак следующим образом «Нечто, что определяет что-то другое (свою интерпретанту) к тому, чтобы это что-то тем же самым образом, что и оно само, относилось к некоторому объекту, к которому оно само и относится (к своему объекту), причем интерпританта, в свою очередь, становится знаком». Таким образом, знак – это некая форма, указывающая на определенное содержание. Знак предстает как некий материальный носитель, представляющий другую сущность (в частном, но наиболее важном случае – информацию).

Ч.Пирс классифицировал знаки на иконы, индексы и символы. Суть знаков-иконов заключается в тождестве обозначаемой вещи и ее знака. В данном случае субъект соотносит форму вещи с ее содержанием. Такое соотнесение возможно только в том случае, если речь идет о знакомой вещи. Если же данная вещь нам не знакома – мы не воспринимаем ее как знак. Знаки-индексы носят иной характер. При дешифровке индексов необходим момент домысливания, т.к. в данном случае мы не имеем тождества знака и обозначаемой вещи. Знак-икона – только лишь намек на обозначаемую вещь. Так, на уровне интерпретации знака-иконы важно личное (творческое) начало интерпретатора, которое играет важную роль на этапе домысливания. Под символами Ч.Пирс понимает такой знак, который к обозначаемой вещи

отсылает нас при помощи ассоциаций. Под символом Ч.Пирс понимает «знак, который отсылает к обозначаемому им Объекту в силу закона, обычно, ассоциации общих идей, действующего так, чтобы заставлять нас интерпретировать Символ как отсылающий к этому Объекту. Таким образом, он сам является общим типом или законом…».

Сущность знаковой теории Пирса можно представить в виде примера, предложенного самим исследователем. Ч.Пирс пишет «Слово «знак» будет использоваться мной для денотации объектов воспринимаемых, воображаемых, или даже тех, которые в каком-то смысле нельзя вообразить. К примеру, являющееся знаком слово fast невозможно сделать объектом воображения, потому что записано на бумаге или произнесено может быть не само это слово, но частный случай его, при этом, будучи записано или произнесено, оно, тем не менее, остается тем же самым словом. Кроме того, в значении «быстрый» это одно слово, В значении «устойчивый» – другое, и третье, когда отсылает к посту или воздержанию. Для того чтобы нечто действовало как «знак», это нечто должно «репрезентировать», т.е. представить нечто другое, называемое его объектом».

Таким образом, важнейшей характеристикой знака, а, следовательно, и символа, по мнению Пирса, является его бинарность и материальность.

Лингвист Ф.де Соссюр сущность знака усматривает в единстве означаемого и означающего, что отнюдь не противоречит концепции Ч.Пирса. Оба члена, отмечает он, заключенные в языковом знаке, психичны и связываются в нашем мозгу посредством ассоциации. Языковый знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ. Этот последний не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем, посредством наших органов чувств; он — чувственный образ, и если нам случается назвать его материальным, то только в этом смысле и из противопоставления второму члену ассоциации — понятию, в общем более абстрактному.

Психический характер наших акустических образов хорошо вырисовывается из наблюдения над нашей собственной речевой практикой. Не двигая ни губами, ни языком, мы можем говорить «про себя». Именно потому, что слова языка являются для нас акустическими образами, и в данном случае не следует говорить о «фонемах», их составляющих. Акт говорения может относиться лишь к произносимому слову, к реализации внутреннего образа в речи. Говоря о звуках и о слогах слова, мы этого недоразумения избегаем, если только помним, что дело идет об акустическом образе. Языковый знак есть, таким образом, двусторонняя психическая, не материальная сущность.

Существенное отличие концепций знаков у вышепредставленных исследователей сводится к следующему: Ч.Пирс наделяет интерпретанту материальными качествами, Ф. де Соссюр - идеальными.

Указанные характеристики знака позволяют нам сделать вывод о том, что все в этом мире суть знаки. Здесь мы придерживаемся точки зрения Р.Барта, утверждающего, что любые культурные феномены от обыденного

идеологического мышления до искусства и философии – неизбежно закреплены в знаках и представляют знаковые механизмы. Но не стоит забывать о том, что не все знаки, с которыми человек встречается в своей жизни, одинаковы (Ч.Пирс).

Как бы мы не рассматривали знак, как материальную или же, как идеальную (психическую) сущность, безоговорочно можно согласиться с тем, что знак – это двусторонняя единица, содержащая план выражения и план содержания (Л.Ельмслев).

На то, что символ является знаком, указывают многие исследователи. Подобной точки зрения придерживаются Р.Барт, А.Белый, Вяч.Иванов, А.Ф.Лосев, П.А.Флоренский, К.Г.Юнг, М.Элиаде и др.

Так, например, символ, по мнению А.Ф. Лосева, прежде всего, есть знак. Специфика данного знака заключается в том, что он является отражением действительности в сознании, обозначая данную действительность.

Так, отмечает философ, символ действительности всегда есть еще и знак действительности. Чтобы отражать действительность в сознании, надо ее так или иначе воспроизводить, но всякое воспроизведение действительности, если оно ей адекватно, должно ее обозначать, а сама действительность должна являться чем-то обозначаемым.

А.Белый также называет символ знаком и подчеркивает, что он указывает на результат «органического соединения» чего-либо с чем-либо. А это говорит о том, что символ двусторонняя единица. Далее он подчеркивает, что символ не дает точного знания о своем содержании, но лишь в большей или меньшей мере намекает на него, что опять же подчеркивает бинарность данного феномена: если есть содержание, правомерно предложить, что существует и выражение. А. Белый убежден, что называние предмета есть утверждение его онтологической реальности, его бытия, а символ как раз и осуществляет эту номинативную функцию. А. Белый понимает под символом в целом некую многозначную единицу особого семантического уровня, которая обладает рядом своеобразных качеств, далеко не все из которых ему удается достаточно ясно прописать вербально. Исходя из традиционной для русского символизма этимологии слова «символ» (как соединение), он утверждает, что символ указывает на результат «органического соединения» чего-либо с чем-либо, то есть более высокого уровня соединения, чем подразумевается под термином синтез (он видит в нем лишь механический конгломерат). Символ принципиально неоднозначен и не формализуем на логическом уровне. Он не дает точного знания о своем содержании, но лишь в большей или меньшей мере намекает на него. Символы не говорят, но «подмигивают» и «кивают», со ссылкой на Ницше многократно подчеркивает А.Белый. Символ - это нечто внешнее, надежно укрывающее внутреннее и защищающее его от непосвященных. Сокрытие и защита, однако, - не главная функция символа, но скорее необходимость, вытекающая из принципиальной трудновыразимости его внутреннего

содержания. Главная же его задача, конечно, позитивная - открывать тайну тем, кто способен ее понять. «...символ - окно в Вечность». В этом утверждении и содержится идея о трансцендентном содержании символа. Путь к символу, под которым А.Белый понимал абсолютную духовную реальность, он достаточно регулярно отождествлял с Единым, Христом, Софией или просто с Богом. Именно в этом А.Белого поддерживает Вяч. Иванов и П.А.Флоренский.

Вяч. Иванов вслед за А.Белым называет символ знаком или ознаменованием. Символ, по его мнению, - это некая посредствующая форма, которая содержит в себе неопределенное множество смыслов. Символ помимо способности выступать посредником между Богом, являющимся владельцем истины, и человеком каким-то образом означает эту истину, т.е. является ее знаком. Согласно Вяч. Иванову, символы - это не изобретения людей, но некие знамения, подобно лучу истекающие из божественного лона (имеют божественное происхождение) и означающие нечто, принадлежащее божественной действительности. Вяч.Иванов утверждает, что бытие символа – это божественное бытие. Там, где есть символ, есть и бог.

Таким образом, по мнению В.Иванова, познать символ способен лишь тот, кто, прежде всего, познает бога. Вслед за Вяч.Иванов П.А.Флоренский настаивает на том, что символ не является человеческим созданием. Символ суть божье творение. Задача человека сводится к тому, чтобы проникнуть в глубину данного творения. И совершить подобное проникновение способен только верующий человек.

П.А.Флоренский понимает символ как проявление божественной сущности. Символ приближает нас к божественному и познать это божественное, трансцендентное возможно только через символы. Истина, сокрытая символом, будучи явлением нерассудочным, может быть познана только нерассудочно. Человек должен открыться окружающему миру для постижения данной истины. Человек создан по образу и подобию Бога. Развитие человека заключается в вере в Бога. Именно вера позволяет человеку приблизится к истине. Так, человек в основе своей, имея трансцендентное начало, всю свою жизнь стремится к трансцендентному (Богу). Момент создания символа начинается тогда, когда человек осознал необходимость соприкосновения с трансцендентным, и когда это соприкосновение свершилось.

А.Белый, В.Иванов, П.А.Флоренский в своем понимании символа во многом продолжают, вероятно, сами того не подозревая, традицию александрийских отцов церкви, которые еще в поздней античности разработали развернутую систему символизма, основывающуюся на принципе, сформулированном Климентом Александрийским, - сокрывая раскрывать.

На то, что символ является знаком, также указывает М.Элиаде. Если Барт говорит о том, что все нас окружающее суть знаки, то М.Элиаде идет дальше: он отмечает, что любой знак может трансформироваться в символ от самой незначительной вещи до Христа, символизирующего чудо воплощения божества в человеке. Таким образом, одна из задач человечества и философов в частности – суметь увидеть и объяснить эти символы. Автор также указывает на трансцендентную природу символа. Он видит назначение символа не только в том, что он является носителем информации о трансцендентном, но и в том, что он является посредником между богом и человеком. Символ не есть только знак, посланный всевышним, символ есть способ проникнуть в божественное бытие. Символ позволяет поддерживать единство между земным и священным, но это единство не всегда осознается человеком. В качестве примеров символа автор приводит талисманы. Талисман символизирует собой присутствие Бога, его участие в твоей жизни, но человек не всегда осознает это присутствие.

Следует отметить, что известные символисты России XX века: А.Белый, А.Блок, В.Брюсов, В.Иванов, Д.Мережковкий и др. понимали символ как знак, открывающий человеку путь в Божественный мир. Русской философии вообще свойственно обращение к Богу, а также поиск приближения к нему, слияния с ним воедино. Может быть, эта глубокая религиозность русского человека и послужила причиной того, что символ понимался как божественное начало.

Таким образом, мы видим, что содержание символа, о котором говорили русские символисты, носит сакральный характер. Ю.М.Лотман, рассуждая о символе, отмечает, что содержание данного феномена иррационально мерцает сквозь выражение и играет роль как бы моста из рационального мира в мир мистический.

О том, что символ является связующим звеном между богом и человеком, проводником в мир непостижимых идей, пишут не только русские титаны. Так, У.Эко отмечает, что символ есть «эпифания Божества, световое сияние, исходящее из глубин бытия, трансцендентное откровение». Иными словами, он указывает на то, что символ отсылает нас к высшей реальности.

Итак, вышепредложенные концепции позволяют нам утверждать, что символ это не просто знак, но это знак, наполненный метафизическим (трансцендентным + трансцендентальным) содержанием.

Выше мы рассмотрели концепции, позволяющие нам говорить о знаковой природе символа. Но есть ряд мыслителей, настаивающих на иной точке зрения. Так, например, М.Мамардашвили и А.Пятигорский понимают символ как знак ничто. Это объясняется тем, что в человеческом сознании символ не несет того смысла, которым его наделяют впоследствии. Авторы настаивают, что символ в своей основе содержит ничто, понимаемое как содержательно непостигаемое сознание. Остается неясным, может ли тогда символ называться знаком, если в его основе лежит ничто. Исследователи предлагают назвать символы знакоподобными образованиями.

Знакоподобными их можно назвать именно потому, что они используют материальные построения (слова, ситуации и проч.), несущие определенную информацию. На самом же деле символы – это не репрезентация явлений и событий, это результат сознания. Если рассматривать символы как репрезентант чего-либо, значит, утрачивать психические переживания, сопутствующие этому «чего-либо».

Проведя глубокий анализ соотношения сознания и семиотических систем, Мамардашвили и Пятигорский приходят к выводу, что символ есть вещь. Символ, отмечают авторы, - это то, что не просто соотносится с содержательностью сознания, а та конкретная вещь, которая конкретно и вещественно соотносится с чем-то определенным в содержательности сознания. Можно констатировать, что символ одним концом уходит в глубины сознания, другим – в психическую экзистенцию. Если мы называем вещь символом, мы знаем, что есть что-то в сознании, что индуцирует наше знание о символе как об этой вещи. Символ, являясь элементом сознания, ведет нас к сознанию. Таким образом, авторы работы настаивают на том, что символ является категорией сугубо феноменологической.

Итак, Мамардашвили и Пятигорский понимают символ как непостижимый феномен. Непостижимость символа они выразили в следующем постулате символологии: когда мы говорим, что мы понимаем или не понимаем объект в смысле его знания, то это понимание или непонимание в некотором смысле зависит от нас, а когда мы говорим, что мы не понимаем или понимаем символ в его соотнесенности с содержанием сознания, то это зависит от самого символа.

В вышепредставленных концепциях, исключая учение Мамардашвили и Пятигорского, намечена следующая тенденция – символ рассматривается как позитивное знание о трансцендентном мире. Символ есть конструктивное начало, устремленное к космосу, к Богу. Так, К.Свасьян отмечает, что символ формализует жизнь и животворит культуру, т.е. позитивная значимость символа представленными исследователями не умаляется. Но, по словам С.Г.Сычевой, существуют и маргинальные концепции символа, которые рассматривают исследуемый феномен как деструктивное начало. К числу таких исследователей можно отнести Ж.Лакана, Ж.Деррида, Ж.Бодрийара.

Так, Ж.Лакан утверждает существование 3-х сфер мироздания: воображаемой, символической и реальной. Рассуждая в психоаналитической традиции, он соотносит бессознательное с воображаемым миром, реальное с объективным миром или же сознанием, тогда как мир символический представлен в языке. Вслед за З.Фрейдом и Г.Юнгом, утверждавшими, что бессознательные процессы негативно влияют на человека, Ж.Лакан считает, что символический мир представляет собой негацию. Хотя в его концепции просвечиваются позитивные ноты. Это выражается в том, что символ, по его мнению, объективирует бессознательное, иначе говоря, преобразует его в культурный феномен. Таким образом, негация символического мира нивелируется при попадании в социокультурный контекст. Позитивный момент так же заключается в том, что символ является, выражаясь языком

З.Фрейда, посредником между Сверх-Я и Оно. Таким образом, символизация культуры есть провокация человека к мысли.

Ж.Деррида в своей концепции символа исключает позитивные моменты данного феномена. Прежде всего следует отметить, что его исследовательский интерес, впрочем как и интерес Ж.Делеза, Ж.Бодрийара, направлен не на символы, а симулякры. Симулякр (от французского – стереотип, псевдовещь, пустая форма) – одно из ключевых понятий постмодернистической эстетики, занимающее в ней место, принадлежащее в классических эстетических системах художественному образу. Симулякр – образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишенное подлинника, поверхностный, гиперреалистический объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Это пустая форма, самореференциальный знак, артефакт, основанный лишь на собственной реальности.

Деррида отмечает, что назначение симулякра заключается в том, что он способен деконструировать весь символический мир. Мир в концепции Ж.Деррида представлен как текст, лишенный смысла. Данный текст выступает в качестве знака, но знак Деррида не тождественен соссюровсому знаку. Прежде всего данное различие заключается в бинарности знака в понимании классиков и отказе от бинарности Деррида. Он говорит о плавающем знаке, тем самым отказывается от бинаризма. Текст лишен статики. Его суть заключается в постоянной смене масок. Жизнь или же функционирование текста заключается в игре: постоянной смене смыслов.

Бесспорно, нельзя не согласиться с точкой зрения Дериды, что символ – это смена смыслов. Но Деррида сумму смыслов сводит к ничто, иначе говоря, смысла нет.

Мы согласны с тем, что символ имеет множество смыслов, но эти смыслы не противоречат единой сверхчувственной идее, лежащей в основе настоящего феномена. Именно совокупность данных смыслов и составляет метафизическое содержание символа, непостижимое, тяжело уловимое. Если смыслы символа по Дерриде суть ничто, можно утверждать, что символа как знаковой категории вообще не существует.

Ж.Делез также отождествляет символ с симулякром. Для эпохи постмодерна вообще свойственен отказ от универсалий, от поиска истины одной на всех. Символ же претендует на роль универсального знака. Символ представлен как квинтэссенция дионисийского. Иначе говоря, природа символа – это хаос. Так, его философская критика направлена на учение Платона. Если Платон утверждал существование вещей, являвшихся копиями идей, то Делез говорит о симулякре как о копиях копий. Таким образом, автор указывает на то, что символ или же выражаясь словами Делеза, симулякр уходит прочь от первоначальной идеи. Так, интерпретируя символ, человечество не проникает к его изначальной идее, но улавливает только некое промежуточное значение, то, что Делез называет миром отбросов. Символ отсылает интерпретатора к миру беспорядка.

В отличие от рассмотренных посмодернистких концепций, которые объясняют символ как воплощение реальности, концепция Ж.Бодрийара

настаивает на ином. Так, философ указывает на то, что за символом нет никакой иной реальности, потому как он сам представляет собой гиперреальность. Символ отсылает нас к самому себе. Символическая форма, по мнению автора, убивает всякий смысл.

Итак, проанализировав различные концепции понимания символа, мы все-таки придерживаемся мнения, что символ имеет знаковую природу. Множество смыслов, содержащихся в символе, являются доказательством его непостижимости, но вовсе не утверждают отсутствие смысла и, как отсюда следует, его двойственную природу.

Поскольку мы настаиваем на том, что символ является знаком, мы приписываем ему черты знака. Но не все характеристики собственно знака являются обязательными атрибутами символа. Как, впрочем, метафизичность содержания является специфической чертой символа. Хотя это не единственное отличие. Следующее отличие можно продемонстрировать словами К.Г.Юнга, представившего разницу символа и знака следующим образом: знак всегда уже, чем означаемое, в то время как символ всегда шире, чем символизируемое. Символ в отличие от знака нельзя придумать. Он не рационализируем. Нельзя, - отмечает А.Ф.Лосев, - под символом понимать какой-либо простой знак. Это знак со множеством значений, иначе говоря, развернутый знак.

Отличие в объемах информации исследуемых феноменов объясняется следующим фактом: знак обладает значением, символ же – смыслом. Рассмотрим, в чем заключается существенное отличие значения от смысла. Прежде всего, следует отметить, что в традиционной семантике значение вслед за Фреге понимается как денотат, а именно, предмет или класс предметов, который обозначается этой словоформой. Иначе, значение есть не что иное, как лексическое значение, данное нам в словаре. Смысл же намного шире значения. На эту широту указывает Огден-Ричардс, приписывая смыслу субъективный образ, возникающий при понимании текста. Знак в первую очередь связан со знанием, символ же отсылает нас к пониманию. Таким образом, говоря об интерпретации символов, мы всегда обращаемся к смыслопорождению символа. Знак остается знаком определенного отрезка действительности неизменно.

В данном русле нельзя не согласиться с Э. Сепиром, который вывел 2 основные характеристики символа:

1. всякий символ предполагает ряд значений, которые не могут быть непосредственно выведены из формы символа (звуковой, графической и пр.). Стоит отметить, что мы в отличие от Сепира разводим понятия «Смысл» и «Значение»;
2. действительная значимость символа непропорционально больше значения, выражаемого его формой.

Знак аккумулирует в себе 1-3 значения, символ же – множество смыслов. Об этом уже в Античности говорит Аристотель. Изучив и систематизировав знания, относящиеся к проблеме символа, он пришел к выводу, что символ содержит в себе целый ряд смыслов, не сводимых друг к другу, но

сливающихся в нем. И именно поэтому символ нельзя истолковывать однозначно.

Мы назвали символ полисемичным знаком, хотя в языке явление полисемии так же распространено. Полисемичность знака сводится к сумме нескольких значений, плюс имеют место быть добавочные, коннотативные семы. Символ же представляет собой не просто совокупность двух-трех значений вкупе с коннотациями, символ – это результат смыслопорождающей деятельности всего человечества. Выражаясь словами Г.Юнга, символ носит архитипический характер.

Итак, если мы называем символ знаком, мы настаиваем на его дуалистической природе. В знаке есть то, что мы видим/ слышим (образ, акустическая оболочка, конкретный предмет) – означающее, и ряд событий, предметов, явлений, действий, которые находятся вне перцептивного мира, но все-таки имеют место быть - означаемое.

Не прибегая к глубокому анализу, можно заметить, что знак – это не просто двусторонняя единица. Знак – это еще единица номинативная, т.е. при помощи знаков мы называем, определяем действительность, то, на что указывал А.Ф.Лосев. Иначе говоря, символ - это еще и двусторонняя номинативная единица.

Также необходимо отметить, что важным фактором функционирования знаков является их конвенциональность. Еще Ф. Соссюр противопоставил символы конвенциональным знакам, подчеркнув в первых иконический элемент. Знак является хранителем информации. Одна из важнейших функций знака – функция коммуникативная. Информация будет передана и понята только в том случае, если у адресата и адресанта знак равнонаполнен. Явление конвенциональности проще проследить на примере изучения иностранного языка. Так, изучая «чужой» язык, мы заучиваем слово (означающее) и его значение (означаемое). Для нас важно, что за данной акустической оболочкой скрывается именно это значение. В противном случае мы не поймем чужестранца и сами не будем поняты. Благодаря конвенциональности вообще возможно существование такого феномена, как коммуникация. Следовательно, говоря о символе как знаке, мы должны признать его конвенциональную природу. Хотя это не совсем верно. Если бы символ действительно являлся конвенциональной единицей, тогда не возникла бы необходимость многократной интерпретации одного и того же символа. Символ воспринимается как знак чего-либо не потому, что имеет место быть факт договоренности. Символическое содержание улавливается интуитивно.

Теперь остановимся на следующем отличие символа от знака: это естественность/ искусственность происхождения. Известно, что знаки создаются обществом с определенной целью – называние определенного элемента действительности. В данном случае речь идет об искусственных семиотических системах, например, знаки дорожного движения, азбука Морзе и т.п. Язык также является семиотической системой, но естественной по происхождению. Появление языка – реакция общественной деятельности

неандертальцев. Общежитие перволюдей привело к потребности обмениваться информацией. Первые слова носили междометный, подражательный характер (подражание звукам природы) и т.п. В этом и заключается естественность происхождения языка. Но для того чтобы сегодня человек овладел языком, он должен сознательно его учить. В младенчестве ребенку, указывая на вещь, называют имя данной вещи. Мы можем констатировать, что языковые знаки целенаправленно усваиваются участниками коммуникации. Более того, данные знаки усваиваются с определенным языковым значением.

С символом все обстоит иначе: он появляется тогда, когда этого требует определенная ситуация, контекст. Любой знак может стать символом. Необязательно говорить влюбленным, что роза – символ любви. Каждый из должен это почувствовать. Роза, растущая в огороде, всего лишь знак, но роза, подаренная возлюбленной, есть символ. Знаки усваиваются человеком: заучиваются, запоминаются, символ же постигается интуитивно.

Итак, мы выяснили, что знак является формой символа, более того символ это естественный, неконвенциональный, полисемичный знак, содержание которого носит метафизический характер.

Следует также отметить, что интерпретация символа зависит от ситуации, в которой данный феномен интерпретируется, а также от личности самого интерпретатора. В силу психологических, возрастных, гендерных, этнических особенностей один символ может быть понят различно. Символ - это отпечаток внутренне-переживаемого опыта человечества, иными словами его интерпретация носит индивидуальный характер.

Итак, под символом мы будем понимать естественный, неконвенциональный, индивидуальный по содержанию и общественный по форме, полисемичный знак, способный раскрыть познающему субъекту некий метафизический смысл.

Литература:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994.
3. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
4. Деррида Ж. Что такое философия. – М., 1998.
5. Иванов Вяч.И. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория. – М., 1995.
6. Лакан Ж. Семинары. – М., 1999.
7. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М., 1982.
8. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. – М., 2001.
9. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. – М., 2000.
10. Флоренский П.А. Собрание сочинений в 2-х томах. – М., 2000.
11. Элиаде М. Словарь религий, обрядов, верований. – СПб., 1997.
12. Юнг К.Г. – Избранное. – Минск, 1997.

Опубл. в сб.: PR в изменяющемся мире: региональный аспект: сборник статей/ под ред. М.В.Гундарина. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. – Вып.3.